Историческая Комиссія О.Р.Т.З.

Война и Культура

10

Поляки подъ Германскимъ Владычествомъ.

В. Терешковичъ.

Изданіе и печать Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°
Москва-1917.

Dз. [illegible]. 7.

„Война и Культура“.

Серія брошюръ, издаваемая

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІЕЙ ПРИ УЧ. ОТД. О. Р. Т. З.

Серія ставитъ своей задачей дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. Политическій строй Германіи.
2. Политическій строй Франціи и Англіи.
3. Красный Крестъ.
4. Россія и Турція.
5. Отмѣна капитуляцій въ Турціи.
6. Голландія.
7. Англія.
8. Англія наканунѣ войны.
9. Польша и польскій вопросъ.
10. Поляки подъ германскимъ владычествомъ.
11. Галиція.
12. Румынія.
13. Борьба за колоніи.
14. Что такое международное право?
15. Англія и Германія.
16. Имперія Франца-Іосифа.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. МОСКВА,
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Поляки подъ германскимъ владычествомъ.

Было время, когда польскій народъ имѣлъ свое собственное государство. Въ 15 и 16 вѣкахъ это была большая и мощная держава, не уступавшая самымъ большимъ государствамъ Европы ни въ отношеніи народнаго богатства, ни въ смыслѣ образованности. Но съ теченіемъ времени она пришла въ сильный упадокъ. Польское дворянство пріобрѣло преобладающее значеніе въ государствѣ и, пользуясь этимъ, поработило и лишило всѣхъ правъ остальныя сословія польскаго общества—мѣщанъ и крестьянъ. Дворяне предавались полному бездѣлью, въ то время, какъ презираемый и гонимый ими народъ тяжко работалъ на себя и на нихъ. Король игралъ слишкомъ незначительную роль, чтобы помѣшать этому угнетенію всего народа однимъ классомъ. Поэтому польская народная масса мало-по-малу стала относиться къ судьбамъ родного края съ полнѣйшимъ безучастіемъ. Къ тому же дворянство очень дурно правило страной. По мѣрѣ того, какъ оно пріобрѣтало все бòльшую власть въ государствѣ, оно перестало давать королю деньги и войско, вслѣдствіе чего государь сталъ безсиленъ защитить Польшу отъ вражескихъ нашествій. Пользуясь этими неустройствами поль-

скаго государства, сильные сосѣди его—Россія, Пруссія и Австрія—по взаимному соглашенію рѣшили раздѣлить его между собой и этимъ самымъ вычеркнули Польшу изъ списка самостоятельныхъ державъ.

Прошло слишкомъ сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ совершился этотъ раздѣлъ, и польскій народъ утратилъ отечество. За это долгое время ему пришлось вынести немало горя и обидъ. Вѣдь жить среди чуждыхъ племенъ и подчиняться власти чуждыхъ правителей не то, что быть у себя полнымъ хозяиномъ. Но какъ ни мало завидна была участь австрійскихъ и русскихъ поляковъ, но прусскимъ ихъ собратьямъ пришлось несравненно хуже. Прусское государство излило на нихъ столько желчи и злобы, подвергло такимъ глумленіямъ, такъ грубо нарушило по отношенію къ нимъ простѣйшую человѣческую справедливость, что, изображая скорбную исторію прусскихъ поляковъ, свободно можно было бы исписать цѣлыя книги. Пруссіи не сразу удалось закрѣпить за собой захваченныя польскія области. Знаменитый французскій императоръ Наполеонъ Бонапартъ отнялъ было ихъ у нея и образовалъ изъ нихъ самостоятельное княжество Варшавское. Но послѣ того, какъ европейскіе государи низвергли Наполеона, они, собравшись въ 1814 году на общій съѣздъ въ столицу Австріи, Вѣну, въ числѣ другихъ рѣшеній постановили вернуть Пруссіи ея добычу, но не въ безусловное и полное ея распоряженіе. Вѣнскій съѣздъ государей обязалъ Пруссію создать изъ польскихъ земель особое княжество Познанское и дать ему такое устройство, при которомъ поляки могли бы сохранить и развивать свой языкъ и народность. Пруссія дала слово, что выполнитъ это обязательство. Тогдашній ея король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, торжественно

подтвердилъ свое обѣщаніе въ манифестѣ отъ 15 мая 1815 года, обращенномъ ко всему польскому народу. «И вы обрѣтете отечество,—вѣщала эта грамота,—никто не заставитъ васъ отречься отъ своей народности, вы получите конституцію, которую я намѣренъ даровать своимъ вѣрнымъ подданнымъ, вы сохраните вашу вѣру, ваши личныя права и собственность будутъ поставлены подъ охрану закона. Вашъ языкъ будетъ разрѣшенъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, вы получите доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Назначенный мною намѣстникъ будетъ жить съ вами и доводить до моего свѣдѣнія о вашихъ нуждахъ и желаніяхъ».

Читая въ настоящее время это широковѣщательное посланіе, трудно удержаться отъ улыбки. Дѣйствительность какъ бы вывернула его наизнанку. Положеніе поляковъ въ Германіи сейчасъ таково, что положительно каждая строка манифеста звучитъ ложью.

Посмотримъ, какимъ образомъ это произошло.

Прусское правительство уже тѣмъ нарушило свое слово, что образовало великое княжество Познанское не изъ всѣхъ захваченныхъ польскихъ областей, а лишь изъ меньшей части ихъ. Остальную же, бòльшую часть просто-напросто присоединило къ Пруссіи, не давъ ей никакого особаго устройства. Однако, положеніе княжества въ первые годы послѣ Вѣнскаго съѣзда было для того времени недурно. Намѣстникомъ въ княжество Познанское назначили поляка, князя Антонія Радзивилла. Княжество получило то же областное представительство (такъ называемый провинціальный сеймъ), что и другія части прусскаго государства; въ уѣздахъ и городахъ ввели мѣстное самоуправленіе. Во всѣхъ совѣтахъ, какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ областномъ, преобладаніе получили

поляки, особенно польское дворянство. Польскій языкъ признавался во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ наравнѣ съ нѣмецкимъ. Во многихъ школахъ преподаваніе велось по-польски. Требуя отъ поляковъ, какъ отъ прусскихъ гражданъ, знанія государственнаго нѣмецкаго языка, прусское правительство не глушило, однако, ихъ родной рѣчи. Крестьяне въ то же время успѣли уже пріобрѣсти личную свободу, но не были еще собственниками земли, которую обрабатывали. Правительство приступило къ постепенному надѣленію ихъ землей на правахъ собственности.

Но недолго продолжалось это благоденствіе. Въ 1830 году въ русской Польшѣ вспыхнуло возстаніе, направленное къ возстановленію полной независимости Польши. Познанскіе поляки дѣятельно поддерживали своихъ русскихъ сородичей людьми и деньгами. Прусское правительство встревожилось. Опасались, какъ бы движеніе не перекинулось на нѣмецко-польскія области. Это вызвало переломъ въ прусской политикѣ по отношенію къ полякамъ. Князя Антонія Радзивилла отозвали; намѣстникомъ былъ назначенъ нѣмецъ, нѣкій Флоттвель. Прусское правительство считало польскихъ дворянъ главными вдохновителями всѣхъ «бунтарскихъ» движеній. Задумали поэтому во что бы то ни стало сломить ихъ силу. Очень большія надежды въ этомъ дѣлѣ правительство возлагало на развитіе и подъемъ другихъ польскихъ сословій—крестьянства и мѣщанства. Отсюда неусыпная забота его о крестьянахъ и мелкихъ польскихъ городахъ, построенныхъ на дворянской землѣ. Крестьянъ усиленно продолжали надѣлять землей, а города освободили отъ всякихъ повинностей и службъ по отношенію къ землевладѣль-

цамъ. Благодаря этимъ заботамъ, благосостоянiе сельскаго и городского классовъ замѣтно повысилось. Если бы прусская политика 30-хъ и 40-хъ годовъ ограничилась только этими мѣрами, то она, несомнѣнно, заслуживала бы всяческаго одобренiя, изъ какихъ бы побужденiй ни исходили прусскiе правители. Но дѣло въ томъ, что въ дѣятельности Флоттвеля была и другая, очень печальная, сторона. Чтобы сломить преобладанiе польскаго дворянства въ мѣстномъ самоуправленiи, онъ сильно сузилъ власть и значенiе уѣзднаго и городского совѣтовъ. У нихъ отнято было право выбирать уѣзднаго и городского голову. И, наконецъ,—и это было хуже всего,—Флоттвель задумать обезземелить польскихъ помѣщиковъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ скупать ихъ имѣнiя и продавать ихъ мелкими участками нѣмецкимъ переселенцамъ (колонистамъ). Мы увидимъ, что впослѣдствiи это средство стало въ рукахъ прусскаго правительства однимъ изъ главныхъ орудiй въ борьбѣ съ поляками. Моментъ былъ выбранъ Флоттвелемъ удачно. Масса польскихъ помѣщиковъ разорилась изъ-за участiя въ возстанiи 1830 года. Нужда въ деньгахъ была крайняя. А тутъ цѣлый рядъ поземельныхъ банковъ, по наущенiю правительства, закрылъ полякамъ кредитъ. Что же оставалось имъ послѣ того дѣлать, какъ не продавать землю? Но правительство пошло еще дальше: рѣшили и государственныя земли продавать и раздавать въ аренду на будущее время и с к л ю ч и т е л ь н о нѣмцамъ. Это наносило чувствительный ударъ не одному уже только польскому дворянству, а всему польскому народу. Вѣдь и польскiй крестьянинъ не прочь былъ расширить свое хозяйство, прикупивъ къ нему клочокъ государственной земли. Да и мѣщанство охот-

но садилось на землю. Но еще болѣе несправедливый характеръ носило другое министерское распоряженіе: принимать на общественныя работы, напр., для постройки дорогъ, возведенія крѣпостей, насыпки валовъ и такъ далѣе, однихъ только нѣмецкихъ рабочихъ. Это лишило куска хлѣба польскую бѣдноту.

Такимъ образомъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ прусской Польшѣ повѣяло совершенно инымъ духомъ, чѣмъ въ пору сердечнаго единенія правительства съ поляками. Понемногу стали вытѣснять и польскій языкъ. До открытаго гоненія, правда, дѣло не дошло. Польская школа процвѣтала попрежнему, но въ правительственныхъ учрежденіяхъ польскій языкъ постепенно начали замѣнять нѣмецкимъ. Отъ польскихъ народныхъ учителей и духовенства (ксендзовъ) потребовали знанія нѣмецкаго языка. Были случаи неутвержденія ксендзовъ, не удовлетворявшихъ этому условію. Отношеніе къ польскому духовенству со стороны правящихъ лицъ было вообще неблагосклонное. Во всей Познани закрыли католическіе монастыри, отобравъ ихъ имущество въ казну. Католиковъ-поляковъ, которые вступали въ бракъ съ нѣмцами-протестантами, правительство заставляло воспитывать дѣтей въ протестантствѣ.

Понятно, что польское общество не могло быть довольно этой политикой. Оно неоднократно обращалось къ Фридриху-Вильгельму-III, умоляя его вернуться къ старымъ порядкамъ. Но прусское правительство уже въ ту пору было глубоко убѣждено въ своей правотѣ и слышать не хотѣло ни о какихъ уступкахъ полякамъ. Самодовольство прусскихъ правителей ярко сказалось въ рѣчи, которую намѣстникъ Флоттвель произнесъ однажды при открытіи сейма. Перечисливъ всѣ новые законы, принятые правитель-

ствомъ по отношенію къ полякамъ, онъ назвалъ ихъ «благодѣяніями» и закончилъ возгласомъ: «Такъ объединимся же, какъ вѣрные пруссаки!» Какъ и слѣдовало ожидать, поляки отвѣтили на это предложеніе гробовымъ молчаніемъ. Нисколько не смущенный этимъ, Флоттвель предложилъ дальше поднести королю благодарственный адресъ. Отказъ поляковъ сдѣлать это крайне возмутилъ его.

Тѣмъ временемъ Фридрихъ-Вильгельмъ III скончался. Вступленіе на престолъ сына его, Фридриха-Вильгельма IV, оживило польскія надежды. Молодой король неоднократно высказывалъ желаніе удовлетворить жалобы поляковъ. И, дѣйствительно, коечто въ этомъ смыслѣ было сдѣлано, особенно въ отношеніи польскаго языка. Но это были лишь мелкія уступки, неспособныя удовлетворить поляковъ. Когда отъ Фридриха-Вильгельма IV потребовали бо̀льшаго, то онъ рѣзко отвѣтилъ, что, какъ заботливый отецъ, пекущійся о своихъ дѣтяхъ, принужденъ отвергнуть подобныя требованія: исполнить ихъ—значило бы содѣйствовать отдѣленію польскихъ областей отъ Пруссіи. А когда въ 1843 году ему напомнили объ обязательствахъ, принятыхъ на себя его отцомъ на Вѣнскомъ съѣздѣ, онъ былъ такъ возмущенъ, что пригрозилъ закрыть познанскій сеймъ.

Недовольство въ польскомъ обществѣ все сильнѣе возрастало. На ряду съ умѣренной партіей недовольныхъ появилось и крайнее революціонное теченіе. Крайніе мечтали о возстаніи, какъ о единственномъ средствѣ къ возстановленію независимости Польши и объединенію трехъ разорванныхъ частей ея. Но Польша, воскресшая изъ мертвыхъ, говорили они, ни въ чемъ не должна напоминать ту старую Польшу, въ которой царили произволъ и неравен-

ство. Свобода и равныя права для всѣхъ, безъ различія классовъ и вѣроисповѣданій,—вотъ что ляжетъ въ основу новаго польскаго государства. Эти крайніе распадались на два толка: одни изъ нихъ находились въ довольно сильной зависимости отъ жившихъ въ Парижѣ польскихъ революціонеровъ, другіе дѣйствовали самостоятельно. Познанскіе революціонеры привлекли къ себѣ значительную часть интеллигенціи, пустили прочные корни въ ремесленныхъ и мѣщанскихъ слояхъ, сумѣли пріобрѣсти вліяніе и на кое-кого изъ пожилыхъ и видныхъ обывателей. Однако, бо́льшая часть народа—польское крестьянство—оставалась чужда ихъ стремленіямъ. Причина была понятная: ужъ слишкомъ глубоко засѣло въ душѣ у польскаго крестьянина недовѣріе къ господамъ и ко всему тому, что они дѣлали. Революціонная партія повела усиленную подпольную работу. Подготовлялось возстаніе. По мысли руководителей, оно должно было вспыхнуть въ 1846 году. Уже намѣчены были сборные пункты для польскихъ войскъ, надѣялись захватить познанскія крѣпости. Изъ-за границы прибылъ главный вождь будущаго возстанія, Людвикъ Мѣрославскій. Но прусская полиція во-время напала на слѣды заговорщиковъ. Многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ почти всѣ намѣченные вожди, были арестованы и преданы суду. Судъ происходилъ осенью 1847 года въ Берлинѣ, въ той части города, которая носитъ названіе Моабита. Это былъ громкій процессъ, привлекшій вниманіе широкихъ слоевъ польскаго и нѣмецкаго народовъ. Только теперь, во время судебныхъ преній, у многихъ поляковъ, особенно изъ крестьянской среды, раскрылись глаза на истинныя цѣли и стремленія заговорщиковъ. Былое безразличіе крестьянъ къ революціонерамъ во

многихъ случаяхъ смѣнилось горячимъ сочувствіемъ. Поэтому второе познанское возстаніе, вспыхнувшее въ слѣдующемъ, 1848, году, сумѣло уже опереться на широкія народныя массы. Надо отдать справедливость и нѣмецкому обществу того времени. Трудно, конечно, говорить объ обществѣ или народѣ, какъ о чемъ-либо цѣльномъ и единомъ. Народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, которыя объединяются между собой въ сословія и классы. Одни изъ этихъ людей и классовъ настроены человѣколюбиво и свободомыслящe, другіе стоятъ на стражѣ своихъ узкихъ преимуществъ и противятся общему равенству. Можно, однако, смѣло сказать, что бо̀льшая и лучшая часть нѣмецкаго общества 1848 года всей душой стояла на сторонѣ моабитскихъ подсудимыхъ.

Нѣмцы первой половины 19-го вѣка по всему своему душевному складу сильно разнились отъ современныхъ нѣмцевъ. Германія того времени не была еще единымъ сплоченнымъ государствомъ, какимъ она является въ настоящее время. Германскій Союзъ состоялъ тогда изъ многихъ, слабо спаянныхъ между собою, независимыхъ княжествъ и королевствъ, какъ-то: королевство Прусское, королевство Баварское, великое княжество Баденское и т. д. Не было у стараго нѣмца того сознанія мощи, которое даетъ принадлежность къ обширному государственному тѣлу. И внутренній строй нѣмецкихъ государствъ сильно отличался отъ современнаго. Лишь немногія южногерманскія государства, какъ, напр., Баденъ, ввели у себя послѣ 1815 года конституціонное устройство и свободу печати. На всемъ остальномъ обширномъ пространствѣ Германіи народъ находился въ полномъ подчиненіи у правительства. Особенно болѣзненно чувствовалось это отсутствіе народной свободы

въ Пруссіи, одномъ изъ самыхъ крупныхъ государствъ Германскаго Союза. Тотъ самый Фридрихъ-Вильгельмъ III, который нарушилъ обязательства, взятыя на себя передъ польскимъ народомъ, разбилъ и надежды своего собственнаго народа. Борьба Германіи съ Наполеономъ I потребовала отъ нѣмецкаго народа крайняго напряженія силъ. Тогда-то Фридрихъ-Вильгельмъ III, чтобы поддержать народное воодушевленіе и вызвать готовность къ жертвамъ, обѣщалъ дать Пруссіи конституцію. Но, справившись съ врагомъ, онъ и не подумалъ о созывѣ всенароднаго представительства. Вмѣсто этого въ восьми областяхъ, на которыя распадалась Пруссія, ввели такъ называемые областные ландтаги, состоявшіе изъ представителей отъ отдѣльныхъ сословій—дворянства, мѣщанства и крестьянства, при чемъ рѣшительное преобладаніе имѣли дворяне. Эти ландтаги обладали полномочіями нашихъ земствъ. Главной ихъ задачей было слѣдить за мѣстнымъ благоустройствомъ и за путями сообщенія. Они имѣли право возбуждать передъ правительствомъ ходатайства объ изданіи новыхъ законовъ, при чемъ отъ правительства всецѣло зависѣло согласиться на ихъ желанія или отвергнуть ихъ. Какъ видно, ландтаги играли въ государственномъ управленіи очень скромную роль и нисколько не были похожи на современныя законодательныя палаты. Государствомъ, въ сущности, управляло чиновничество. Печать была крайне стѣснена. Всякое выраженіе недовольства въ ней строго каралось, ввели даже предварительную цензуру. Всѣ свободолюбивые писатели принуждены были переселиться за границу. Одно время правительство запрещало даже всякіе студенческіе союзы и учинило бдительный над-

зоръ за университетскимъ преподаваніемъ, при чемъ неугодныхъ профессоровъ и студентовъ безжалостно удаляли изъ университетскихъ стѣнъ.

Этотъ правительственный гнетъ не давалъ нѣмецкому обществу свободно вздохнуть. Всѣ передовые его слои и вся лучшая нѣмецкая литература первой половины 19-го вѣка проникнуты были чувствомъ тяжелой грусти, вызываемой гнетущей дѣйствительностью, и горячимъ стремленіемъ къ свободѣ. Въ лицѣ поляковъ нѣмецкій народъ видѣлъ передовыхъ борцовъ за общенародную свободу. Отсюда—то нескрываемое сочувствіе, съ которымъ къ нимъ относились.

Моабитскій процессъ закончился осужденіемъ ста слишкомъ подсудимыхъ. 8 присудили къ смертной казни, а остальныхъ—къ пожизненному или многолѣтнему тюремному заключенію. Но приговора не успѣли привести въ исполненіе,—надвинулся 1848 годъ.

Этотъ годъ останется глубоко памятнымъ въ исторіи Европы. Почти на всемъ ея пространствѣ—во Франціи, Германіи, Испаніи, Италіи, Австріи—вспыхнула революція. Точно что-то прорвало ту крѣпкую плотину, которая удерживала людскіе потоки въ повиновеніи у монарховъ. Громадныя толпы закружились, понеслись, повсюду смели старое государственное устройство, вездѣ водворили новыя начала, основанныя на бо̀льшей свободѣ и болѣе широкомъ участіи народа въ законодательствѣ и управленіи.

Въ столицѣ Пруссіи—Берлинѣ—революція вспыхнула въ мартѣ 1848 года. Возставшіе первымъ дѣломъ потребовали помилованія политическихъ заключенныхъ. Двери Моабитской тюрьмы раскрылись, и увидѣвшіе свѣтъ польскіе узники съ восторгомъ были встрѣчены берлинской толпой. Нѣсколько дней спу-

стя Мѣрославскій былъ уже въ Познани. Тамъ его ожидали большія перемѣны. И Познань успѣла подняться. Образовался народный польскій комитетъ, который вскорѣ пріобрѣлъ не меньшую власть, чѣмъ прусское правительство. Мѣстныя власти обращались къ нему за совѣтами и указаніями; онъ создалъ собственную почту, занялся созывомъ польскаго войска. Въ конечномъ счетѣ движеніе стремилось превратить Познань въ отдѣльное государство, имѣющее свои законодательныя палаты, свое войско, свое чиновничество и связанное съ Пруссіей лишь личностью общаго короля. Поляки составили соотвѣтствующую петицію (прошеніе) и послали ее королю. Послѣдній отправилъ въ Познань генерала Виллисена, поручивъ ему путемъ переговоровъ уладить столкновеніе съ поляками. Виллисенъ обѣщалъ возставшимъ исполнить всѣ ихъ требованія касательно переустройства княжества; но въ то же время онъ усердно убѣждалъ поляковъ разоружить свое войско. Познанскій комитетъ пошелъ ему навстрѣчу, и часть польской арміи, дѣйствительно, была разоружена. Но тутъ выступило новое обстоятельство: оказалось, что интересы польскаго и нѣмецкаго населенія Познани глубоко расходятся. По правительственнымъ даннымъ, въ то время въ Познани было около 800.000 поляковъ и около 600.000 нѣмцевъ. Эти послѣдніе — большей частью нѣмецкіе переселенцы и нѣмецкіе чиновники — боялись, что послѣ переустройства княжества Познанскаго на новыхъ началахъ они въ немъ очутятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ поляки очутились въ Пруссіи. Вслѣдствіе этого нѣмцы предлагали раздѣлить Познань на двѣ части—нѣмецкую и польскую. Всѣ преобразованія, говорили они, должны коснуть-

ся лишь польской части. Нѣмецкія же области пусть останутся въ прежней тѣсной связи съ Пруссіей. Полякамъ это предложеніе представлялось вопіющимъ нарушеніемъ ихъ исконныхъ правъ на всю площадь княжества Познанскаго. Возгорѣлась народная рознь, которой прусское правительство умѣло воспользовалось, чтобы свести на-нѣтъ всѣ уступки полякамъ. Виллисена отозвали. Главнокомандующимъ нѣмецкими войсками въ Познани сталъ генералъ Коломбъ, стянувшій туда большія силы. Пополнилась вновь и польская армія. Въ ея ряды вступило много познанскихъ крестьянъ и выходцевъ изъ русской Польши. Во главѣ ея сталъ Мѣрославскій. Начались сраженія. Въ началѣ счастье благопріятствовало полякамъ. Они одержали нѣсколько побѣдъ. Но подъ Вржесней Мѣрославскій и главныя польскія силы дали нѣмецкимъ войскамъ окружить себя. Вся польская армія вынуждена была сложить оружіе. Возстаніе было сломлено. Внутри Познани въ теченіе нѣкотораго времени происходила еще война между польскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ, въ которой обѣ стороны запятнали себя ненужными и безцѣльными жестокостями. Тѣмъ временемъ революція въ Пруссіи была подавлена. Вмѣсто обѣщанной конституціи съ всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV навязалъ своему народу другую, гораздо худшую. Она вводила всеобщее, но неравное избирательное право, при которомъ, чѣмъ богаче какой-либо классъ общества, тѣмъ больше онъ имѣетъ представителей въ парламентѣ сравнительно съ общей своей численностью. Благодаря этому несправедливому избирательному праву (къ слову сказать, оно до сихъ поръ удержалось въ Пруссіи), въ первой же прусской

палатѣ преобладаніе получили представители самыхъ отсталыхъ слоевъ—дворянства и чиновничества. Составленный такимъ образомъ парламентъ оказался въ польскомъ вопросѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Онъ не только лишилъ Познань обѣщаннаго широкаго самоуправленія но и отказался, какъ того требовали поляки, принять законъ о томъ, что польскій языкъ признается равноправнымъ съ нѣмецкимъ. Благодаря этому, прусское правительство получило въ вопросѣ о польскомъ языкѣ полную свободу дѣйствій. Впослѣдствіи это привело къ очень печальнымъ явленіямъ.

Такъ печально закончился для познанскихъ поляковъ 1848 годъ. Наступившая затѣмъ реакція (движеніе назадъ) завершила крушеніе ихъ надеждъ. Правительство съ яростью обрушилось на всѣ свободолюбивые круги, среди которыхъ оно считало поляковъ самыми опасными. На польскую печать воздвигли открытое гоненіе; провели законъ, по которому почтовыя учрежденія могли отказываться отъ пересылки газетъ и журналовъ. Благодаря этому, изъ всѣхъ польскихъ газетъ уцѣлѣла лишь одна—правительственная; закрыли общество, извѣстное подъ названіемъ «Польской лиги» и поставившее себѣ цѣлью защиту правъ польскаго языка; запретили польскому поземельному банку («Земское кредитное общество») выпускать новые закладные листы, лишивъ его этимъ возможности оказывать кредитъ польскимъ землевладѣльцамъ. Повторилась та же исторія, что послѣ 1830 года. Поляки, разоренные революціонными бурями, одинъ за другимъ стали продавать землю. За промежутокъ времени отъ 1848 до 1860 года изъ польскихъ рукъ въ нѣмецкія перешло около 250.000 десятинъ земли. Стали произвольно пере-

краивать избирательные округа и производили всяческое давленіе на выборы, чтобы уменьшить число польскихъ представителей въ палатѣ. Особенно неистовствовала въ тѣ годы прусская полиція. Въ 1856 году въ Познани вдругъ появилась масса воззваній на польскомъ языкѣ, приглашающихъ поляковъ возстать противъ прусскаго гнета. Настроеніе польскаго общества было въ то время настолько подавленное, что о возстаніи никто не помышлялъ. Всѣмъ было ясно, что воззваніе исходило не отъ поляковъ, а отъ кого-то другого. Стали доискиваться автора и нашли его... въ лицѣ начальника познанской полиціи Беренпрунга. Онъ придумалъ эту гнусную продѣлку, чтобы имѣть возможность обвинить поляковъ въ государственной измѣнѣ и открыть противъ нихъ еще болѣе ожесточенную травлю.

Въ 1861 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV скончался. Первыя десять лѣтъ правленія его преемника, Вильгельма I, принесли полякамъ нѣкоторое облегченіе. Произошло это потому, что въ самой Пруссіи реакція кончилась. Къ этому времени въ прусскихъ городахъ успѣлъ сложиться богатый промышленный и торговый классъ, вначалѣ настроенный очень свободомыслящe. Онъ принялъ участіе въ выборахъ въ парламентъ и доставилъ въ прусской палатѣ перевѣсъ свободомыслящей партіи, которая вступила въ ожесточенную борьбу съ правительствомъ, не желая ему давать денегъ на увеличеніе войска. Понятно, что при такомъ составѣ палаты отъ нея нельзя было добиться согласія на угнетеніе поляковъ. Эта короткая передышка такъ обнадежила польскій народъ, что возникла польская партія, которая стремилась жить въ согласіи съ прусскимъ правительствомъ,

хотя бы для этого пришлось поступиться кое-какими мелочами.

Событія конца шестидесятыхъ и начала 70-хъ годовъ показали, что эта уступчивость была преждевременна. Исторія Пруссіи за пять лѣтъ, отъ 1866 до 1871 г., ознаменовалась двумя побѣдоносными войнами. Въ 1866 году Пруссія разбила на-голову Австрію, а въ 1871 году одержала блестящую побѣду надъ Франціей. Эта послѣдняя война доставила Пруссіи цѣлую французскую область—Эльзасъ-Лотарингію—и пять милліардовъ франковъ военнаго вознагражденія. Вдобавокъ къ этому побѣда ускорила уже раньше начавшееся объединеніе самостоятельныхъ германскихъ государствъ въ одну крѣпкую, тѣсно спаянную Германскую имперію. Во главѣ послѣдней сталъ общегерманскій парламентъ, такъ называемый рейхстагъ, избираемый на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Пруссія пріобрѣла въ этомъ новомъ государствѣ первенство: прусскій король сталъ наслѣдственнымъ германскимъ императоромъ.

Эти блестящія военныя побѣды и послѣдовавшее за ними созданіе обширной имперіи совершенно измѣнили народный нѣмецкій характеръ. Высшій городской классъ, который только что оказалъ такой сильный отпоръ правительству въ его военныхъ расходахъ, круто измѣнился. Военныя побѣды и сравнительно свободное устройство германскаго союза вполнѣ удовлетворили его. Онъ самъ увѣровалъ въ то, что его счастье—въ завоеваніяхъ и внѣшнемъ расширеніи государства. Вмѣсто того, чтобы стремиться впередъ, онъ сталъ лишь охранять существующее, оказывая во всемъ поддержку правительству. Послѣ франко-прусской войны такъ называемая либеральная партія

въ прусской палатѣ сразу сократилась вчетверо; да и тѣ такъ называемые либералы, которые продолжали засѣдать въ ней, въ сущности стали правительственной партіей.

Такимъ образомъ, поляки лишились защитниковъ въ прусской палатѣ, и правительство отнынѣ могло дѣлать съ ними все, что хотѣло. Правда, въ общеимперскомъ парламентѣ, рейхстагѣ, соотношеніе партій было, благодаря лучшему избирательному праву, совершенно другое, чѣмъ въ прусской палатѣ, ландтагѣ. Крайняя лѣвая имѣла и имѣетъ тамъ несравненно больше представителей, благодаря чему рейхстагъ часто выступаетъ въ защиту поляковъ. Но вся бѣда въ томъ, что, по законамъ Германской имперіи, польскія дѣла мало касаются его; почти всѣ вопросы, такъ или иначе затрогивающіе поляковъ, подлежатъ вѣдѣнію прусской палаты.

Итакъ, прусское правительство послѣ 1870 года получило полную свободу дѣйствій по отношенію къ полякамъ. Въ то же самое время у прусскихъ государственныхъ дѣятелей появились и новыя соображенія на этотъ счетъ. «Чѣмъ меньше въ государствѣ разныхъ народовъ, — разсуждало правительство, — тѣмъ меньше въ немъ споровъ и дрязгъ, и тѣмъ бо̀льшую силу можетъ оно проявить при вооруженномъ столкновеніи съ сосѣдями. А потому онѣмечимъ всѣхъ не-нѣмцевъ—и благо намъ будетъ». Но среди германскихъ инородцевъ первое мѣсто по численности и народному развитію занимали поляки. На нихъ и обрушились первые удары новоявленныхъ ревнителей единой и однородной Германіи. Такимъ образомъ, если до 1870 года поляковъ въ Пруссіи преслѣдовали, какъ революціонеровъ, то послѣ 1870 г. ихъ стали преслѣдовать, какъ инородцевъ, т.-е. людей,

говорящихъ на иномъ языкѣ, имѣющихъ иные нравы и привычки, чѣмъ нѣмцы. Этотъ новый походъ противъ поляковъ принесъ имъ столько страданій и униженій, что въ сравненіи съ ними блѣднѣетъ все горе, пережитое польскимъ народомъ до 1870 года.

Какъ извѣстно, громадное большинство польскаго народа исповѣдуетъ католическую вѣру. Но есть и нѣмцы-католики. Въ началѣ 70-хъ годовъ католическая церковь въ Германіи занимала положеніе, почти независимое отъ государства; во всѣхъ почти вопросахъ она подчинялась приказаніямъ своего верховнаго главы, папы. Въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ и это являлось опасностью. «Государство должно главенствовать надъ всѣмъ,—провозгласили они,—слѣдовательно, и католическое духовенство должно быть вполнѣ ему подчинено». Поэтому на первыхъ порахъ поляки пострадали и какъ поляки, и какъ католики.

Во главѣ германскихъ патріотовъ сталъ первый канцлеръ объединенной Германіи Бисмаркъ, человѣкъ желѣзной воли, привыкшій не обходить, а разрушать преграды, мѣшавшія ему достигнуть намѣченной цѣли. Первымъ дѣломъ онъ отнялъ у католическаго духовенства принадлежавшее ему раньше право надзора за школами. Основаніемъ для такой мѣры правительство выдвинуло то, что католическое духовенство въ восточныхъ областяхъ насаждаетъ въ школѣ вредное польское вліяніе. Но это былъ лишь первый шагъ. «Школа должна воспитывать нѣмцевъ, — заявилъ Бисмаркъ, — а потому давайте устранимъ изъ нея польскій языкъ; кто бы ни посѣщалъ школу—польскія ли дѣти, нѣмецкія ли,—пусть всѣ рѣшительно предметы, не исключая закона Божія, преподаются на нѣмецкомъ языкѣ».

Возможно, что польское общество безропотно снесло бы этотъ ударъ, такъ оно было ошеломлено рѣзкой перемѣной политики, но распоряженіе о законѣ Божіемъ возмутило всѣхъ поляковъ. Въ дѣло вмѣшался самъ познанскій архіепископъ, полякъ Ледуховскій, который раньше стоялъ въ рядахъ партіи, стремившейся къ примиренію съ правительствомъ. Теперь онъ вознегодовалъ и своей архіепископской властью строжайше запретилъ ксендзамъ приводить въ исполненіе этотъ приказъ. Но правительство не смутилось. Оно удалило изъ учебныхъ заведеній всѣхъ ксендзовъ и назначило на ихъ мѣсто свѣтскихъ преподавателей закона Божія. Учащихся, которые отказывались посѣщать уроки этихъ новыхъ преподавателей, силою принуждали къ этому. Мало того: запретили даже дома, во внѣ-учебное время, обучать дѣтей закону Божію на польскомъ языкѣ. Отпуская ихъ на каникулы домой, отъ родителей брали подписку, что они этого дѣлать не будутъ, подъ угрозой исключенія дѣтей изъ школы. А ксендзовъ, которые вздумали бы помочь родителямъ въ этомъ дѣлѣ, карали денежными штрафами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошли до того, что учащимся запретили ходить въ костелъ на томъ основаніи, что ксендзъ-де произноситъ проповѣдь на польскомъ языкѣ!

Въ 1873 году правительство сдѣлало дальнѣйшій шагъ: у Ледуховскаго отняли принадлежавшую ему высшую власть надъ католическимъ духовенствомъ Германіи. Цѣль этого распоряженія была ясна: лишить Ледуховскаго возможности руководить польскимъ духовенствомъ въ его борьбѣ съ правительствомъ. Но Ледуховскій полагалъ, что никто, кромѣ папы, не въ правѣ лишить его давнишнихъ его правъ, и продолжалъ вести себя такъ, точно упо-

мянутаго приказа не было: назначалъ, смѣщалъ, распоряжался. Правительство нѣсколько разъ привлекало его къ судебной отвѣтственности и присуждало къ уплатѣ штрафа за такое превышеніе полномочій, а затѣмъ, видя, что этимъ его не возьмешь, самовольно лишило сана и посадило въ уголовную тюрьму. Все почти польское духовенство стало на защиту своего пастыря. Оно подверглось неслыханной въ исторіи европейскихъ народовъ расправѣ. Часть епископовъ и ксендзовъ, подобно Ледуховскому, попала въ тюрьму; другіе, травимые правительствомъ, какъ дикіе звѣри, принуждены были скрываться въ лѣсахъ. Нашлось восемь ксендзовъ-отступниковъ, которые согласились принять поставленіе изъ рукъ правительства. Но польскій народъ не признавалъ ихъ: онъ обращался за духовной помощью къ ксендзамъ-изгнанникамъ, которые тайкомъ, за околицей, въ покинутыхъ помѣщеніяхъ совершали службы, крестили и причащали. Прибытіе правительственныхъ священниковъ въ назначенные имъ приходы обычно сопровождалось скандалами. Боясь народной мести, они являлись въ сопровожденіи отряда жандармовъ и полицейскихъ. Приближаясь къ костелу, вызывали церковнаго старосту, требовали ключей отъ храма. Староста отказывался выдать ключи. Тогда звали слесаря, чтобы взломать дверь. Но рѣдкій слесарь соглашался содѣйствовать оскверненію святыни. Нерѣдко правительственнымъ ксендзамъ приходилось, чтобы проникнуть въ костелъ, обращаться къ помощи уголовныхъ преступниковъ, сидѣвшихъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ. А чтобы заставить прихожанъ пользоваться услугами навязанныхъ ксендзовъ, мѣстныя власти пускались на разныя хитрости. Такъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ погребеніе могло состоять-

ся лишь съ разрѣшенія священника. И что же? Тѣла покойниковъ недѣлями оставались непохороненными, а къ правительственному ксендзу за разрѣшеніемъ никто не шелъ.

Эта ярая борьба германскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ не могла не возмутить римскаго папу. Бисмаркъ сталъ въ крайне натянутыя отношенія съ Римомъ, продолжавшіяся до самаго конца 70-хъ годовъ. Къ тому времени произошелъ поворотъ въ настроеніи правительственныхъ круговъ. Католическіе депутаты образовали въ общеимперскомъ парламентѣ многочисленную и сильную партію. Правительство нуждалось въ ея голосахъ, чтобы провести нѣкоторые важные законы. Поэтому рѣшили помириться съ Римомъ. Съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были кое-какія уступки, главнымъ образомъ, въ смыслѣ замѣщенія пустующихъ епископскихъ и священническихъ мѣстъ. Католики-нѣмцы вновь почувствовали себя въ Германіи, какъ у себя дома. Но полякамъ не стало отъ этого легче. Если ихъ и перестали преслѣдовать, какъ католиковъ, то тѣмъ худшій гнетъ они продолжали выносить, какъ поляки. Онѣмеченіе школы неуклонно продолжалось. Послѣ того, какъ все преподаваніе стало вестись на нѣмецкомъ, польскій языкъ все-таки остался въ народной школѣ, какъ предметъ, которому удѣляли нѣсколько часовъ въ недѣлю. Спустя нѣсколько лѣтъ его изгнали оттуда и какъ предметъ. Отнынѣ полякъ-крестьянинъ и рабочій не имѣли даже возможности научиться въ школѣ читать и писать на своемъ родномъ языкѣ! Но ребенокъ обязанъ посѣщать въ Германіи школу только до 14-ти лѣтъ. «Что же будетъ, если онъ, выйдя оттуда, забудетъ всю нѣмецкую премудрость, подчинится влія-

нію своей польской семьи и станетъ добрымъ полякомъ?—соображало правительство.—Вѣдь тогда всѣ труды и расходы, потраченные на его онѣмеченіе, окажутся напрасными. Давайте же создадимъ цѣлую сѣть нѣмецкихъ школъ для юношества, закончившаго первоначальное образованіе. Пусть польскій юноша, прошедшій народное училище, продолжаетъ впитывать въ себя нѣмецкій духъ вплоть до того момента, когда его возьмутъ въ солдаты. Тогда казарма окончательно завершитъ дѣло его превращенія въ вѣрноподданнаго германца». На эти школы прусское правительство ежегодно тратитъ около полумилліона марокъ (250 тысячъ рублей).

Но польскіе родители неохотно стали посылать своихъ дѣтей въ школу съ тѣхъ поръ, какъ изъ нея исчезло все польское. За такое непосѣщеніе школы въ Германіи полагается денежный штрафъ. По отношенію къ полякамъ эта мѣра воздѣйствія казалась слишкомъ слабой. Разрѣшили поэтому мѣстной полиціи наказывать такихъ строптивыхъ родителей по своему усмотрѣнію, чтобы другимъ не повадно было. «Вы отказываетесь отъ чести добровольно стать нѣмцами; ну, тогда станете ими изъ-подъ палки»,—вотъ каковъ смыслъ этой мѣры.

У читателя можетъ, однако, возникнуть вопросъ: почему поляки такъ противились нѣмецкой школѣ, отчего не хотѣли примириться съ нею? Прежде всего каждому человѣку свойственно больше всего любить звуки той рѣчи, съ которой у него связаны первыя воспоминанія дѣтства, на которой говорили самые близкіе и дорогіе ему люди, на которой онъ самъ впервые сталъ лепетать. Но была и другая причина польскаго упорства: поляки не хотѣли стать невѣждами. Это можетъ показаться страннымъ, но это

все-таки такъ. И всякій преподаватель легко пойметъ, почему это такъ. И взрослый человѣкъ, а тѣмъ болѣе ребенокъ легче и лучше всего усваиваетъ предметъ, когда онъ излагается на его родномъ языкѣ. Это вполнѣ понятно: вѣдь въ этомъ случаѣ онъ обращаетъ вниманіе не на слова, съ которыми совершенно сроднился, а на самую суть предмета. Но стòитъ изложить тотъ же предметъ на чужомъ языкѣ, и картина сразу мѣняется. Ребенокъ сперва силится уловить смыслъ чуждыхъ ему словъ и перевести ихъ на родной языкъ и, лишь сдѣлавъ это, начинаетъ вникать въ сущность предмета. Это, конечно, тормозитъ и затрудняетъ пониманіе. Сплошь и рядомъ самое важное и главное проходитъ мимо ребенка. Преподавательскій опытъ всѣхъ странъ показалъ поэтому, что только истинно народная школа, гдѣ господствуетъ родная рѣчь учащихся, выпускаетъ толковыхъ и мыслящихъ людей. А школа въ родѣ той, которой Бисмаркъ наградилъ поляковъ, вселяетъ въ душу ребенка тяжелую скуку и горькую неудовлетворенность. Не понимая того, чему его учатъ, онъ скучаетъ и теряетъ всякій вкусъ къ знанію. Школа выпускаетъ его невѣждой, неспособнымъ разбираться въ окружающихъ явленіяхъ жизни и склоннымъ къ суевѣрію. Все это оправдалось на прусскихъ полякахъ. Благодаря нѣмецкой школѣ, уровень народнаго образованія у нихъ стоитъ ниже, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Ихъ крестьяне слѣпо повинуются своему духовенству, не умѣя отличить хорошихъ его сторонъ отъ дурныхъ.

Такой громадный вредъ принесла польскому народу школьная политика Бисмарка.

За школой наступила очередь суда и другихъ присутственныхъ мѣстъ. Отовсюду польскій языкъ былъ

безповоротно изгнанъ! Лицамъ, не понимающимъ понѣмецки, со временъ Бисмарка разрѣшаютъ прибѣгать къ услугамъ переводчиковъ. Очень рѣдко эти переводчики одинаково хорошо владѣютъ обоими языками — польскимъ и нѣмецкимъ. Большей частью они переводятъ вкривь и вкось. Польское населеніе частенько проигрываетъ изъ-за нихъ тяжбы и несетъ убытки.

Но преслѣдованіе польскаго языка—лишь одно звено въ той длинной цѣпи притѣсненій, которымъ Бисмаркъ подвергъ прусскихъ поляковъ. Опасаясь, какъ бы поляки, стоящіе у власти, не вздумали потворствовать своимъ, онъ пересталъ принимать ихъ на государственную службу. Это правило соблюдается и теперь. Рѣдко удается въ Германіи, особенно въ восточной ея части, встрѣтить чиновника или преподавателя гимназіи — поляка. Правительство ежегодно отпускаетъ довольно большія суммы на пособія студентамъ нѣмецкаго происхожденія, которые, взамѣнъ этой помощи, обязываются по окончаніи курса служить въ восточныхъ областяхъ въ качествѣ чиновниковъ, преподавателей и врачей и, елико возможно, онѣмечивать край.

Но удивительное дѣло! Несмотря на то, что Бисмаркъ проводилъ всѣ указанныя нами мѣры съ желѣзной настойчивостью и рѣдкой послѣдовательностью, къ началу 80-хъ годовъ обнаружилась совершенно неожиданная вещь. По произведенной тогда въ Пруссіи переписи населенія оказалось, что польское населеніе не только не исчезаетъ, но, наоборотъ, возрастаетъ быстрѣе нѣмецкаго. Это, главнымъ образомъ, зависѣло отъ большей плодовитости польскихъ семей. Бисмарка это открытіе повергло въ отчаяніе. Польскій народъ долженъ былъ ему

представиться въ видѣ многоголоваго змѣя: отруби ему одну голову,—вмѣсто нея вырастаетъ десятокъ другихъ. Въ своемъ крайнемъ озлобленіи правительство рѣшилось на невѣроятно жестокую мѣру: въ восточной части Пруссіи проживало до 30.000 поляковъ, считавшихся иностранными подданными—русскими и австрійскими. То были большей частью издавна жившія въ Пруссіи семьи: мужскіе ихъ члены сражались въ рядахъ германской арміи во время франко-прусской войны. Среди нихъ были больные, дѣти и старики. Ихъ всѣхъ выселили изъ предѣловъ Германіи! Выгнали изъ насиженныхъ гнѣздъ, пустили по міру! Это звѣрство возмутило всю Европу; печать всѣхъ странъ единогласно осудила Пруссію. Въ австрійскомъ парламентѣ по этому поводу былъ сдѣланъ запросъ. Даже германскій рейхстагъ, несмотря на убѣжденія императора оставить это дѣло, такъ какъ оно его не касается, не счелъ возможнымъ молчать: по предложенію депутата Виндгорста, рейхстагъ заявилъ, что считаетъ выселеніе поляковъ совершенно незаслуженной обидой. Но прусское правительство не привыкло считаться въ польскомъ вопросѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодованіемъ всего образованнаго міра, Пруссія совершенно закрыла въ эту пору свои границы для польскихъ выходцовъ изъ Россіи и Австріи. Какъ разъ въ тѣ годы изъ русской Польши началось усиленное движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Пруссію на лѣтніе заработки. Оставаясь тамъ на все время полевыхъ работъ, они затѣмъ на зиму возвращались къ роднымъ очагамъ. И этихъ несчастныхъ лишили заработка и куска хлѣба. Наконецъ, вернулись и къ старой, испытанной мѣрѣ Флоттвеля—скупкѣ польскихъ имѣній

и раздачѣ ихъ участками нѣмецкимъ переселенцамъ. Въ сущности эта «работа» шла, почти не прерываясь, со временъ Флоттвеля. Но новые германскіе патріоты поставили ее на болѣе широкую ногу и придали ей бо̀льшую планомѣрность. Воскрешая эту излюбленную мысль прусскихъ поляконенавистниковъ, Бисмаркъ произнесъ въ палатѣ любопытную рѣчь. Онъ попытался представить дѣло такъ, будто предполагаемая скупка бьетъ однихъ только помѣщиковъ, совершенно не затрогивая польскаго народа. Это, конечно, неправильно. Искусственный притокъ нѣмцевъ-крестьянъ въ восточную часть Пруссіи суживаетъ для каждаго поляка возможность стать землевладѣльцемъ. «Въ сущности польскій народъ ничего не имѣетъ противъ Пруссіи,—продолжалъ «желѣзный» канцлеръ, совершенно забывая о томъ непоправимомъ вредѣ, который онъ причинилъ этому народу гоненіемъ на польскую школу,—онъ готовъ былъ бы слиться съ нами, нѣмцами; мѣшаетъ ему въ этомъ польское дворянство, которое искусственно разжигаетъ недовольство противъ насъ. Не будетъ польскихъ дворянъ,—не будетъ и поляковъ. Но хотя мы и собираемся обезземелить польскихъ помѣщиковъ, для нихъ это не будетъ обидно. Вырученныя деньги дадутъ имъ возможность расплатиться съ долгами. А то, что останется,—злорадно заключилъ Бисмаркъ,—надѣюсь, скоро будетъ проиграно въ Монако [1]) въ рулетку». Эту смѣсь откровенной грубости и лживаго лицемѣрія преподнесъ Бисмаркъ прусскимъ представителямъ для назиданія и руководства въ польскомъ вопросѣ. Палата оказалась достойной своего вождя. Она отпустила правительству

[1]) Монако — крошечное княжество на югѣ Франціи, гдѣ происходитъ азартная игра въ рулетку.

испрашиваемый кредитъ въ 100 милл. марокъ (50 милл. рублей), которыя на первыхъ порахъ понадобились для осуществленія задуманнаго благого дѣла, и работа закипѣла. Начиная съ 1886 г., «Переселенческая комиссія» дѣйствуетъ безпрерывно вплоть до нашего времени. Она выработала правило, благодаря которому купленная у поляка земля никогда не можетъ опять вернуться въ польскія руки: если нѣмецкій переселенецъ задумаетъ уйти съ своего участка, то комиссія сохраняетъ предпочтительное передъ другими покупателями право пріобрѣсти его землю. Такъ какъ главная цѣль комиссіи заключается въ увеличеніи нѣмецкаго населенія восточныхъ областей за счетъ польскаго, то мѣстнымъ нѣмцамъ участковъ не раздаютъ: вѣдь отъ такой раздачи нѣмцевъ не стало бы больше въ этомъ краѣ. Переселенцевъ приглашаютъ издалека, изъ коренной Германіи. Чтобы привлечь ихъ въ далекую польскую окраину, имъ предоставляются широкія льготы и разсрочки по уплатѣ покупной суммы. Поляковъ тысячами прогоняютъ изъ насиженныхъ старыхъ гнѣздъ. Въ то же время пришлыхъ нѣмцевъ окружаютъ самой нѣжной заботой, стараются сдѣлать ихъ жизнь на новыхъ мѣстахъ возможно болѣе удобной и пріятной. Комиссія на свой счетъ устраиваетъ въ возникшихъ поселкахъ школы, строитъ церкви, осушаетъ и искусственно удобряетъ поля, проводитъ дороги. Если у переселенца не хватаетъ денегъ на постройки и первое обзаведеніе, ему любезно предлагаютъ ихъ взаймы. Благодаря всѣмъ этимъ облегченіямъ, какой-нибудь рейнскій или вестфальскій нѣмецъ можетъ, обладая самыми незначительными средствами, воспользоваться благодѣяніями переселенія и стать зажиточнымъ крестья-

ниномъ. Въ своемъ ревнивомъ стремленіи искоренить польскій народъ прусское правительство совершенно пренебрегаетъ денежной выгодой. Переселенческое дѣло приноситъ комиссіи громадные убытки. Вычислено, что за время 1886—1906 гг. расходы комиссіи простирались до 388 милліоновъ марокъ (194 милл. рублей), доходъ же не превысилъ 93 съ половиной милліоновъ (около 47 милл. рублей). Такимъ образомъ, за 20 лѣтъ дѣятельности комиссія понесла около 200 милліоновъ марокъ (100 милл. рубл.) убытку. Удалось ли ей, по крайней мѣрѣ, достигнуть желанной цѣли—обезземелить поляковъ? За промежутокъ времени отъ 1861 до 1886 г. правительственные итоги были блестящи. Поляки за это время утратили 293 тысячи гектаровъ земли (гектаръ—около десятины). Если принять во вниманіе, что вся польская земельная собственность въ 1886 г. немногимъ превышала 900 тысячъ гектаровъ, то ясно станетъ, какъ много въ то время потеряли поляки. Они лишились цѣлой четверти земли. Изъ каждыхъ четырехъ десятинъ одна успѣла перейти въ нѣмецкія руки. Но, начиная съ 1886 г., это отношеніе мѣняется: все меньшее и меньшее количество польской земли переходитъ къ нѣмцамъ, пока, наконецъ, по подсчетамъ 1896 г., не обнаружилось, что теряютъ уже не поляки, а нѣмцы. Съ тѣхъ поръ нѣмцы все время остаются въ невыгодѣ. За десять лѣтъ 1896—1905 гг. польское землевладѣніе возросло быстрѣе нѣмецкаго на 60 тысячъ гектаровъ. Такимъ образомъ, какъ разъ въ тѣ годы, когда правительство рѣшило не щадить никакихъ средствъ, лишь бы выжить поляковъ изъ деревень и имѣній, послѣдніе не только перестали уходить съ земли, но, наоборотъ, начали надвигаться на нѣмцевъ.

Чѣмъ это объясняется? Дѣло въ томъ, что прусскій гнетъ вызвалъ сильное противодѣйствіе со стороны угнетаемыхъ. Среди нихъ возникли учрежденія, поставившія себѣ задачей не допускать перехода польскихъ земель къ переселенцамъ-нѣмцамъ. Такъ, одинъ польскій банкъ беретъ разоренныя имѣнія подъ свою опеку и, въ случаѣ невозможности возстановить въ нихъ правильное хозяйство, распродаетъ ихъ участками желающимъ полякамъ. Кстати, число такихъ желающихъ въ послѣднее время сильно возросло въ Восточной Пруссіи. Польскій мелкій людъ не переселяется больше массами въ Америку, какъ то бывало раньше. Онъ уѣзжаетъ на время въ западныя области Германіи, нанимается тамъ на фабрики или крупныя сельскія экономіи и, скопивъ толику денегъ, возвращается въ родные края, гдѣ покупаетъ клочокъ земли. Польскій помѣщикъ исчезаетъ въ Восточной Пруссіи, польскій крестьянинъ размножается.

Если бы дѣятельность комиссіи привела только къ этимъ итогамъ, то, пожалуй, руководящія ею лица сами скоро пришли бы къ убѣжденію, что не стоитъ тратить такія безумныя средства на такое безнадежное предпріятіе. На самомъ дѣлѣ, прусское правительство кое-чего все-таки добилось. Мы уже говорили о томъ, что поляки размножаются быстрѣе нѣмцевъ. Но, перебрасывая въ польскія области Пруссіи тысячи нѣмецкихъ крестьянъ, добились того, что этотъ естественный законъ свелся на-нѣтъ, и что общій приростъ нѣмецкаго населенія немного превысилъ приростъ польскаго; такъ, съ 1900—1905 г. нѣмецкое населеніе Познани возросло на 6%, а польское—только на 5%. Особенно ярко сказывается эта перемѣна въ промышленныхъ городахъ: тамъ нѣмцы

постепенно заполоняютъ все. Дѣятели переселенія могли порадоваться: недаромъ-таки пропали ихъ труды! Какъ ни незначителенъ былъ достигнутый успѣхъ, онъ давалъ основаніе надѣяться на бо̀льшее. Стоило лишь неуклонно продолжать работу въ томъ же направленіи! Вотъ почему въ самые послѣдніе годы «Переселенческая комиссія» придумала для поляковъ новые, еще горшіе бичи и скорпіоны. О нихъ мы поговоримъ немного ниже.

А теперь остановимся на очень краткой, сравнительно свѣтлой полосѣ, которая выпала на долю поляковъ въ началѣ 90-хъ гг. Со смертью Вильгельма I Бисмарку пришлось уйти отъ власти: онъ не поладилъ съ новымъ императоромъ, нынѣ царствующимъ Вильгельмомъ II. Канцлеромъ Германіи сталъ графъ Каприви. Какъ разъ въ то время германское правительство задумало провести въ рейхстагѣ законъ о новомъ, очень сильномъ увеличеніи арміи и флота, который требовалъ значительныхъ денежныхъ затратъ. Большая часть рейхстага противилась новымъ военныхъ расходамъ. Численное соотношеніе различныхъ партій въ рейхстагѣ было таково, что голоса польскихъ представителей пріобрѣли рѣшающее значеніе: стоило полякамъ поддержать противниковъ новаго закона, и онъ бы неминуемо провалился. И, наоборотъ, поддержи они законъ, и успѣхъ его былъ бы обезпеченъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Каприви задумалъ перетянуть на свою сторону поляковъ и съ этой цѣлью рѣшилъ сдѣлать имъ кое-какія уступки. Сельскохозяйственнымъ рабочимъ-полякамъ вновь открыли доступъ въ Пруссію; нашли возможнымъ разрѣшить преподаваніе закона Божія на польскомъ языкѣ для польскихъ дѣтей; кое-гдѣ въ народныхъ школахъ ввели, какъ

необязательный предметъ, польскій языкъ. «Переселенческая комиссія» не прекращала работы. Но наряду съ ней появилась другая правительственная комиссія, продававшая земли мелкими участками всѣмъ желающимъ, безъ различія народности.

Послѣ невыносимаго гнета 70-хъ и 80-хъ годовъ эти мелкія уступки показались громадными завоеваніями. Поляки возмечтали о полной отмѣнѣ всѣхъ ограниченій. Опять, какъ наканунѣ 1870 года, въ польскомъ обществѣ стали раздаваться голоса, выражавшіе надежду, что съ правительствомъ можно будетъ поладить и совмѣстно поработать. Къ сожалѣнію, польскіе депутаты не задумались протянуть правительству руку помощи въ томъ дѣлѣ, изъ-за котораго оно затѣяло всю эту игру: при ихъ содѣйствіи прошелъ новый законъ, и военная мощь Германской имперіи сильнѣйшимъ образомъ возросла. Отрезвленіе наступило быстро. Всего четыре года продлилось благоволеніе высшихъ круговъ къ полякамъ (1890—1894 гг.). Само нѣмецкое общество положило ему конецъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Бисмарка, въ 1894 г. возникло «Общество защиты нѣмцевъ», сокращенно называемое по имени трехъ его основателей—Ганземана, Кеннемана и Тидемана—Обществомъ Г. К. Т., или гакатистовъ. Оно возопило о губительномъ для Германіи потакательствѣ полякамъ, о необходимости самыхъ строгихъ и жестокихъ мѣръ противъ этого народа, чтобы оградить себя и свою родину отъ его засилья. Такъ глубоко измѣнилось нѣмецкое общество въ сравненіи съ тѣмъ, что оно представляло въ первой половинѣ 19-го вѣка! Тогда прусское правительство преслѣдовало поляковъ, какъ опасныхъ революціонеровъ, грозящихъ самому его существованію. Общество же всей душой

имъ сочувствовало. Теперь же значительная часть нѣмецкаго общества оказалась еще болѣе злобнымъ и неумолимымъ врагомъ поляковъ, чѣмъ прусскіе министры. Ученики Бисмарка, воспитанные въ его школѣ, гакатисты превзошли своего учителя. «Не будемъ унижать германскую школу, насильно заставляя инородцевъ посѣщать ее,—заявили они.—Пусть коснѣютъ, если хотятъ, въ невѣжествѣ. Къ чему вообще насильственное онѣмеченіе? Направимъ лучше всѣ старанія къ полному искорененію этого народа. Необходимо энергично продолжать переселенческую работу; необходимо подавить всѣ тѣ польскія учрежденія, которыя ей противодѣйствуютъ. Но, при польской плодовитости, одной этой работы мало, чтобы справиться съ врагомъ. Его можно взять лишь измором̀ъ. Такъ будемъ же безпощадно вытѣснять поляковъ изъ всѣхъ областей труда и дѣятельности! Объявимъ имъ экономическій (хозяйственный) бойкотъ! Наша святая обязанность—не покупать въ польскихъ магазинахъ, не давать работы польскимъ ремесленникамъ, не нанимать на нѣмецкія фабрики польскихъ рабочихъ. Тогда этотъ ненавистный народецъ погибнетъ или вынужденъ будетъ переселиться въ Америку».

Отъ словъ немедленно перешли къ дѣлу. Основали въ Познани нѣмецкіе магазины, выписали нѣмецкихъ врачей, обѣщавъ имъ постоянное жалованіе отъ общества. Фабриканты-нѣмцы, состоящіе членами общества Г. К. Т. или сочувствующіе ему, пользуются малѣйшей заминкой въ промышленныхъ дѣлахъ, чтобы выбросить на улицу польскихъ рабочихъ. Съ подъемомъ промышленности ихъ, однако, не принимаютъ обратно. Зорко стали выслѣживать, не служитъ ли случайно въ какомъ-нибудь учрежденіи ка-

кой-либо мелкій чиновникъ-полякъ (на отвѣтственныя и хорошо оплачиваемыя должности поляковъ не принимаютъ), и по поводу каждаго такого случая поднимали трезвонъ о польскомъ засильѣ. Горячо занялись проповѣдью своихъ мыслей въ печати. Основали собственную большую газету подъ названіемъ «Союзъ Восточной Области», кромѣ того, скупили разныя мѣстныя мелкія газетки и стали издавать ихъ въ нѣмецкомъ патріотическомъ духѣ. Нѣтъ той гнусности, до которой не доходили бы эти славные поборники единой Германіи. Доносили на военные оркестры за то, что они играли польскія мелодіи. Совѣтовали правительству, за отсутствіемъ другихъ переселенцевъ, заселять восточныя земли незаконнорожденными нѣмцами изъ Германіи. Находили полезнымъ и слѣдующее средство: создать изъ восточныхъ уѣздовъ польско-прусскихъ земель особую пограничную область, заселить ее отставными унтеръ-офицерами и объявить на военномъ положеніи; благодаря этимъ героическимъ мѣрамъ, эта полоса быстро онѣмечится; тогда прусскіе поляки окажутся отрѣзанными отъ своихъ русскихъ и австрійскихъ сородичей, и мечта о возсоединеніи трехъ частей Польши будетъ навсегда похоронена. Читая и слушая объ измышленіяхъ гакатистовъ противъ поляковъ, съ трудомъ соглашаешься вѣрить, чтобы одинъ народъ могъ питать такую чудовищную злобу противъ другого. Къ сожалѣнію, это—самая несомнѣнная дѣйствительность. Самое грустное и тяжелое въ этой травлѣ поляковъ, это—то, что она не ограничилась узкимъ кругомъ первоначальныхъ основателей общества Г. К. Т. Поляконенавистничество охватило, какъ зараза, широкіе и очень просвѣщенные слои нѣмецкаго общества. Лейпцигскій профессоръ Гассе

въ своихъ книгахъ далъ научное обоснованіе гакатистскимъ взглядамъ. Знаменитый историкъ Моммзенъ не стыдился раздѣлять ихъ. Извѣстный экономистъ Вагнеръ съ университетской каѳедры громилъ поляковъ. Всѣ эти круги злобно киваютъ на тѣхъ немногихъ нѣмцевъ изъ общества, которые осмѣливаются открыто заявлять о своемъ несогласіи съ ними. Такихъ бѣлыхъ воронъ считаютъ измѣнниками. Наканунѣ 1910 г. общество Г. К. Т. насчитывало 50.000 членовъ, разбитыхъ по 430 мѣстнымъ отдѣламъ. Капиталы общества простирались до 700.000 марокъ (350 тыс. руб.), ежегодный доходъ—до 150.000 марокъ (75 тысячъ руб.). Одинъ лишь рабочій классъ да немногіе истинно свободомыслящіе нѣмцы изъ имущихъ остались чужды противопольской травлѣ. Но ихъ голоса безслѣдно затериваются въ общемъ гулѣ чисто-звѣринаго озлобленія.

Германское правительство вступило въ дружественныя сношенія съ обществомъ Г. К. Т. съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Оно открыто защищаетъ гакатистовъ отъ враждебныхъ нападокъ ихъ противниковъ, въ торжественныхъ случаяхъ оно обмѣнивается съ ними сердечными телеграммами. Подъ ихъ вліяніемъ «ошибки» Каприви въ польскомъ вопросѣ давно уже исправлены. Въ школьномъ дѣлѣ прусскіе министры не послѣдовали, правда, совѣтамъ гакатистовъ. Школа попрежнему служитъ орудіемъ онѣмеченія. Разрѣшеніе преподавать польскій языкъ, какъ предметъ, и законъ Божій на польскомъ языкѣ, которое, какъ мы помнимъ, дано было Каприви, опять взято обратно. Стали даже преслѣдовать частное преподаваніе польскаго языка. Въ концѣ 90-хъ годовъ прусское правительство закрыло частныя безплатныя польскія училища, возникшія въ золотой вѣкъ Каприви,

гдѣ польскіе благотворители—свѣтскія и духовныя лица—обучали дѣтей ихъ родному языку. Привлекли къ отвѣтственности нѣсколькихъ польскихъ дамъ, которыя у себя на дому обучали двухъ-трехъ дѣтей польской грамотѣ. Одну изъ нихъ (г. Янину Оманьковскую) присудили за это преступленіе къ 5-тидневному полицейскому аресту. Современнымъ прусскимъ министрамъ народнаго просвѣщенія во всемъ рѣшительно чудится польская опасность. Истребляя ее, они доходятъ до такихъ нелѣпостей, которыя самого Бисмарка заставили бы пожать плечами. Этому можно было бы привести множество примѣровъ. Ограничусь лишь однимъ. Въ г. Познани существовало заведеніе для глухонѣмыхъ поляковъ. Обучая этихъ несчастныхъ, пользовались ихъ роднымъ языкомъ. Но—увы!—хотя питомцы заведенія не могли ни слышать, ни произносить звуковъ польской рѣчи, тѣмъ не менѣе ее и здѣсь сочли опасной. По распоряженію министра, глухонѣмыхъ стали обучать на нѣмецкомъ языкѣ. Что же касается преподаванія закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ, то на этой почвѣ въ Пруссіи возникла въ началѣ 20-го вѣка громадная забастовка польскихъ школьниковъ, которая сопровождалась такими вопіющими насиліями со стороны учебнаго начальства, что заставила о себѣ заговорить всю Европу. Замѣна польскаго языка нѣмецкимъ на урокахъ закона Божія происходила постепенно. Первыя попытки этого рода относятся къ 1900 г. Возмущенные новымъ распоряженіемъ, польскіе родители г. Вржесни запретили своимъ дѣтямъ отвѣчать на урокахъ закона Божія по-нѣмецки. Учебное начальство возмутилось. Пригласили уѣзднаго инспектора училищъ и въ его присутствіи въ стѣнахъ школы звѣрски избили дѣтей. По свидѣтельству мѣст-

наго врача, у нихъ распухли руки. Крики избиваемыхъ привлекли вниманіе прохожихъ. Сбѣжались и родители малолѣтнихъ мучениковъ и, узнавъ, что̀ творится, кинулись спасать свои чада изъ рукъ озвѣрѣвшихъ воспитателей. За это «преступное» вмѣшательство ихъ предали суду, который приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію отъ 2-хъ до 20-ти мѣсяцевъ. Это не сломило, однако, забастовки. Дѣти упорно продолжали отмалчиваться на урокахъ закона Божія. Забастовка кончилась лишь послѣ того, какъ школьное начальство наказало виновныхъ оставленіемъ ихъ въ школѣ для повторительнаго курса послѣ 14-тилѣтняго возраста (обычно въ этомъ возрастѣ дѣти выходятъ изъ школы). Но затишье было лишь временное. Ободренное минутнымъ успѣхомъ министерство распространило вржеснинскую мѣру касательно закона Божія на остальные округа Познани. Отвѣтомъ была почти всеобщая забастовка польскихъ школьниковъ въ Познани, длившаяся около года (отъ 1906 до 1907 г.). Въ ней приняло участіе около 50.000 дѣтей. Въ дѣлѣ подавленія забастовки прусская полиція открыто протянула руку помощи учебному начальству. Полиція разгоняла родительскія собранія, привлекала къ судебной отвѣтственности всякаго, кто открыто высказывался за забастовку. Въ теченіе какого-нибудь года 150 слишкомъ человѣкъ предстали передъ судомъ по обвиненію въ подобнаго рода проступкахъ. Въ одномъ мѣстѣ всѣхъ поляковъ—членовъ общиннаго совѣта—лишили этого званія за сочувствіе забастовкѣ. Самихъ забастовщиковъ оставляли по окончаніи ученія въ классѣ, сѣкли розгами, избѣгая, однако, членовредительства изъ боязни огласки. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣняли правила о малолѣтнихъ преступникахъ, т.-е. отнимали

ихъ у родителей и помѣщали въ исправительныя заведенія! На порогѣ 20-го вѣка передъ глазами удивленной Европы раскрылся въ самомъ сердцѣ ея первобытный уголокъ, какъ бы совершенно не затронутый успѣхами человѣческой мысли, гдѣ считалось нравственнымъ избивать дѣтей за то, что они не захотѣли забыть родной рѣчи, и сажать въ тюрьму взрослыхъ, которые имѣли «дерзость» вступиться за избиваемыхъ. Ничего удивительнаго, что гг. прусскіе министры и преподаватели вызвали противъ себя негодованіе не только всей европейской, но и большей части германской печати. А вѣдь послѣдняя ужъ на что привыкла къ тому, что съ поляками не церемонятся.

Польскимъ дѣтямъ въ Пруссіи нельзя даже во время классныхъ перемѣнъ перекидываться роднымъ словечкомъ, и это преслѣдуется и наказывается. И въ общественной жизни польскій языкъ подвергается все бòльшимъ ограниченіямъ. По старымъ прусскимъ законамъ, всѣ прусскіе граждане имѣли право собираться въ общественныхъ мѣстахъ для обсужденія своихъ нуждъ и всевозможныхъ вопросовъ общественнаго и научнаго характера. На каждомъ такомъ собраніи непремѣнно присутствовала полиція, имѣвшая право закрыть его, если произносимыя рѣчи принимали противоправительственное направленіе. Никакихъ ограниченій относительно языка, на которомъ должны произноситься рѣчи, законъ не содержалъ. Казалось бы, совершенно ясно, что и поляки, какъ прусскіе подданные, имѣли право устраивать открытыя собранія и вести на нихъ пренія на польскомъ языкѣ. Въ дѣйствительности они лишены были этой законной возможности. Въ теченіе десятковъ лѣтъ прусская полиція своею властью, вопреки закону,

запрещала и закрывала польскія собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что чины ея не понимаютъ польскаго языка и потому не въ состояніи слѣдить за преніями! Поляки неоднократно жаловались на это беззаконіе въ судъ, и нѣмецкій судъ неизмѣнно признавалъ, что правы они, а не полиція. Тѣмъ не менѣе полиція продолжала поступать по-своему. Въ концѣ-концовъ всѣ эти споры и дрязги надоѣли правительству. Оно рѣшило такъ измѣнить самый законъ, чтобы поляки и жаловаться не имѣли основанія. 15-го мая 1908 года рейхстагомъ былъ принятъ новый законъ о союзахъ и собраніяхъ, общій для всей Германіи Онъ гласитъ: на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ пренія должны вестись по-нѣмецки. Коротко и ясно. Исключеніе сдѣлано лишь для предвыборныхъ собраній. Лѣвыя партіи всячески боролись противъ этого несправедливаго закона, но безуспѣшно. Имъ удалось добиться лишь одной временной уступки. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поляки составляютъ больше 60%, всего населенія, т.-е. гдѣ изъ десяти человѣкъ, по крайней мѣрѣ, 7 человѣкъ поляковъ, имъ до 1928 года еще разрѣшается устраивать польскія собранія. Въ остальныхъ же мѣстахъ, гдѣ поляковъ меньше 60% (а въ такихъ мѣстахъ живетъ почти половина всего польскаго населенія Пруссіи, и къ ихъ числу, между прочимъ, принадлежатъ всѣ промышленные города), новый законъ немедленно вступаетъ въ силу. Такимъ образомъ, уже въ настоящее время изъ каждыхъ двухъ поляковъ одинъ подпалъ подъ дѣйствіе новаго ограниченія. Въ числѣ этихъ пострадавшихъ находится почти весь классъ промышленныхъ рабочихъ. Это значитъ, что всѣ они принуждены молчать о томъ, что для нихъ является самымъ важнымъ и нужнымъ.

Для того, чтобы выступить съ нѣмецкой рѣчью, нужно этимъ языкомъ владѣть, какъ роднымъ. Всякій понимаетъ, какъ это трудно для инородца, въ особенности для рабочаго-инородца, не получившаго большого образованія.

Для польскаго языка остается лишь узко-семейный кругъ. Но и то не всегда. Отъ мелкихъ желѣзнодорожныхъ и почтовыхъ служащихъ и народныхъ учителей-поляковъ правительство требуетъ, подъ угрозой лишенія мѣста, чтобы они выписывали только нѣмецкія газеты и у себя дома, въ кругу семьи, говорили только по-нѣмецки. Но кто же прослѣдитъ за тѣмъ, не остается ли приказъ начальства мертвой буквой? Объ этомъ умалчиваютъ, но это, конечно, легко представить себѣ. Сосѣди—нѣмцы, товарищи по службѣ—нѣмцы! Какъ же долженъ быть развитъ добровольный сыскъ въ польско-нѣмецкихъ земляхъ, и до какой степени онъ долженъ врываться въ самые потайные уголки личной жизни, отравляя существованіе полякамъ и развращая нѣмцевъ!

Въ области хозяйственнаго угнетенія польскаго народа правительство чутко прислушивается къ голосу гакатистовъ и, по мѣрѣ силъ, оказываетъ имъ негласную поддержку. Легко прослѣдить, какъ это дѣлается. Записывая поляковъ въ книги народонаселенія, ихъ имена переводятъ и переиначиваютъ на нѣмецкій ладъ, всякія польскія вывѣски и надписи строго запрещаются, а между тѣмъ — удивительное дѣло!—отъ поляковъ-купцовъ полиція требуетъ, чтобы они не скрывали своихъ польскихъ фамилій на вывѣскахъ за нѣмецкими фирмами. Зачѣмъ же это дѣлается? Совершенно ясно: чтобы облегчить возможность бойкота. Главные проводники его—чиновники и военные, служащіе въ польскихъ областяхъ. На

первыхъ возлагается прямая обязанность содѣйствовать правительственнымъ видамъ въ польскомъ вопросѣ. За эту «полезную» работу восточно-прусскіе чиновники получаютъ прибавки къ обычнымъ чиновничьимъ окладамъ, впрочемъ, лишь до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію правительства, ревностно исполняютъ этотъ долгъ. Работа «Переселенческой комиссіи» продолжается. Дѣятельность польскихъ банковъ, распродающихъ землю полякамъ, стѣснена до крайности. Въ 1904 г. запретили полякамъ, пріобрѣтающимъ мелкіе земельные участки, возводить на нихъ хозяйственныя и жилыя постройки безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей. А это разрѣшеніе дается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Этотъ законъ сильно подорвалъ всю работу польскихъ банковыхъ учрежденій. Какой смыслъ покупать землю, если на ней нельзя строиться? Въ сущности только что упомянутый законъ является рѣзкимъ нарушеніемъ права частной собственности. Вѣдь обычно собственникъ въ правѣ дѣлать съ принадлежащей ему вещью все, что ему заблагоразсудится. Но еще болѣе вопіющее нарушеніе правъ польскихъ собственниковъ представляетъ законъ 1908 г. о «принудительномъ отчужденіи польскихъ земель». Дѣло въ слѣдующемъ. «Переселенческая комиссія» въ погонѣ за польскими имѣніями не останавливалась ни передъ какими цѣнами. Вслѣдствіе этого за время ея дѣятельности цѣны на землю повысились ровно втрое. Какъ ни велика была готовность прусскаго правительства жертвовать на это дѣло, но указанныя мною выше громадныя потери могли хоть кого заставить призадуматься. Услужливые помощники подсказали исходъ: не проще ли, вмѣсто того, чтобы платить полякамъ бѣшеныя цѣны за землю, заставить ихъ продавать нужныя комиссіи

имѣнія по назначенной правительствомъ цѣнѣ? Правительство выработало только что упомянутый законъ о «принудительномъ отчужденіи», который въ 1908 г., съ незначительными измѣненіями, былъ принятъ прусской палатой. На основаніи его четыре польскихъ помѣщика въ 1912 г. уже лишились своихъ владѣній, охватывавшихъ въ общей сложности до 7.000 десятинъ земли. Гакатистовъ и это еще не удовлетворило. Обсуждая въ одномъ изъ своихъ ежедневныхъ изданій этотъ первый случай примѣненія новаго закона, они снисходительно замѣчаютъ приблизительно слѣдующее: «Хорошо, конечно, что правительство сдѣлало первый шагъ въ этомъ желательномъ для всѣхъ насъ направленіи, но было бы еще лучше, если бы первыми лишились своихъ земель не какіе-то второразрядные землевладѣльцы, а крупнѣйшіе польскіе помѣщики. Вотъ что дало бы сильнѣйшій толчокъ дѣлу нашего переселенія».

Мы прослѣдили исторію прусскихъ поляковъ на протяженіи почти ста лѣтъ. Мы видѣли, какъ, начиная съ 30-хъ годовъ, прусскій гнетъ все тяжелѣе нависаетъ надъ ними. Сперва ихъ немного стѣснили въ языкѣ и самоуправленіи; затѣмъ воздвигли открытое гоненіе на польскій языкъ, закрыли имъ доступъ къ государственной службѣ, стали ихъ обезземеливать. И, наконецъ, лишили ихъ покровительства общихъ законовъ и поставили подъ дѣйствіе исключительнаго законодательства.

Но вѣдь это уже не угнетеніе одного народа другимъ, а настоящая война, скажетъ каждый, кто отдастъ себѣ отчетъ въ изложенныхъ фактахъ. И притомъ такая, въ которой всѣ средства и пути считаются дозволенными, лишь бы они вели къ уничтоженію противника. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только

непріятель стремится подорвать жизненную силу противника и взять его измором; только война лишаетъ людей простѣйшихъ личныхъ и гражданскихъ правъ; только на войнѣ принято производить принудительное отчужденіе частной собственности; только во время войны добровольный сыскъ прославляется, какъ патріотическая доблесть!

Мы видѣли, что эта ежедневная, ежечасная, введенная въ рамки закона, война не смогла стереть съ лица земли польскаго народа. Уровень образованія его, правда, понизился. Но численность его неизмѣнно возрастаетъ, при чемъ поляки не только не покидаютъ искони занятыхъ ими областей, но, наоборотъ, пускаютъ въ нихъ еще болѣе прочные корни.

Въ разыгрывающейся на нашихъ глазахъ неслыханно-громадной войнѣ, гдѣ рѣшается участь столькихъ государствъ и народовъ, всплылъ во всей своей остротѣ и польскій вопросъ. Германія явно заигрываетъ съ поляками. Въ занятыхъ непріятелемъ частяхъ Царства Польскаго появилось много германскихъ воззваній къ польскому народу. Въ нихъ германцы изображаютъ себя грядущими избавителями Польши отъ чужеземнаго гнета и обѣщаютъ возстановить независимое Королевство Польское. Врядъ ли, однако, послѣ ста лѣтъ прусскаго владычества въ Познани найдутся въ польскомъ лагерѣ легковѣрные люди, способные серьезно отнестись къ этимъ посуламъ своего злѣйшаго врага.

Вѣра Терешковичъ.

17. Германія.
18. Евреи въ Россіи.
19. Бисмаркъ.
20. Прибалтійскій край.
21. Россія и Германія.
22. Тройственный союзъ и тройственное согласіе.
23. Россія и Франція.
24. Прусскій фельдмаршалъ графъ Мольтке.
25. Русское земство и Всероссійскій Земскій Союзъ.
26. Кавказъ и Закавказье.
27. Политическая жизнь Германіи.
28. Магометъ и магометанство.
29. Вильгельмъ II.
30. Россія и Австрія.
31. Война и крестьянское хозяйство.
32. Воздухоплаваніе и война.
33. Италія.
34. Балканскія войны и ихъ результаты.
35. Бельгія.
36. Сербія.
37. Черногорія.
38. Болгарія.
39. Славяне. Ихъ прошлое и настоящее.
40. Соединенные Штаты.
41. Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны.
42. Чехія.
43. Египетъ.
44. Константинополь.
45. Франція.
46. Турція.
47. Нѣмецкая культура.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. МОСКВА,
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

„*Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій*“.

Не уступая по числу названій самымъ подробнымъ изъ имѣющихся въ продажѣ картъ, эта карта имѣетъ надъ ними то преимущество, что исполнена въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1:2.500.000; имѣетъ отчетливый рельефъ и небольшой форматъ, который, благодаря особой системѣ складыванія, даетъ возможность **пользоваться картой въ любыхъ условіяхъ.**

КАРТА СОДЕРЖИТЪ:

1. *Политическую карту европейскихъ державъ.*
2. *Карту восточно-прусскаго театра военныхъ дѣйствій.*
3. *Карту галиційскаго театра военныхъ дѣйствій.*
4. *Карту франко-бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій.*
5. *Карту сербско-австрійскаго театра военныхъ дѣйствій.*
6. *Карту восточной части Балканскаго полуострова и западнаго побережья Малой Азіи.*
7. *Карту кавказскаго театра военныхъ дѣйствій.*

Цѣна 60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.
МОСКВА, ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Цѣна 30 коп.